

Двадцать лет российской трансформации. ВОСПРОИЗВОДСТВО АДАПТАЦИОННЫХ ПРАКТИК В ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Автор: Е. М. АВРААМОВА

Воспроизводство адаптационных практик в период российской трансформации*

Российская трансформация: цели и этапы

Уже двадцать лет в России идет процесс трансформации, в ходе которого изменяются как институциональные параметры жизнедеятельности, так и основные модели социально-экономического поведения населения. Этот процесс имеет свою специфику, отличную от трансформационных процессов иных постсоциалистических стран. Совершающие переход страны Восточной Европы и бывшей советской Прибалтики ясно артикулировали цели трансформации: вхождение в западное сообщество, принятие либеральных ценностей и демократических институтов. Консолидация населения, разделяющего и поддерживающего эти цели и ценности, позволила относительно безболезненно пережить шоковую терапию, перестроить экономику и, наконец, на законных правах влиться в европейское сообщество.

Цели российской трансформации были далеко не так однозначны, а их реализация не столь последовательна. Уже в 1950 - 1970-е гг., в период ослабления тоталитаризма и большей проницаемости "железного занавеса", начался критический анализ основных идеологем традиционного общества, стало происходить его постепенное латентное разрушение. Крах коммунистической идеологии в большой мере был вызван теми новыми моментами в самоидентичности советских людей, которые зародились и набирали силу в этот период и проявились в партикуляризации интересов, приватизации частной жизни, реального ухода в семейные и бытовые проблемы. На микросоциальном уровне начинался переход от тотальных общественных интеграторов к модернизированным, которые определялись частными, отделенными от государства интересами и новыми способами их реализации и согласования. Но в силу имманентной недемократическому обществу жесткой заданности норм и санкций базовые модели социально-экономического поведения населения не претерпели в этот период особых качественных изменений.

С середины 1980-х гг. начался новый этап трансформации - период наибольшего согласия "верхов" и "низов", равно озабоченных тем, как быстрее покончить с одряхлевшим посттоталитарным режимом. Это был период быстрого расширения информационного пространства, овладения новыми терминами, "перекодировки" прежних поня-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант N 05 - 02 - 02040а).

Аврамова Елена Михайловна - доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН.

тий, когда оценки таких, например, явлений, как частная собственность или буржуазное право, менялись на противоположные. Главным политическим действием стала риторика, а главной властью - "четвертая" - пресса, которая и задавала векторы интеллектуального поиска. В то время быстро разрушались идеологические устои советского общества, постепенно разрешенным оказалось "все, что не запрещено", и это, одновременно с принятием законов о кооперации и индивидуальной трудовой деятельности, положило начало формированию новых моделей экономического поведения, которые, однако, не приняли массового характера.

Следующий этап трансформации связан с началом реформ 1992 г., с либеральным проектом, которому не дано было осуществиться в задуманном виде. Началу реформ сопутствовала уверенность в том, что рынок - универсальный механизм, обеспечивающий эффективность экономики, и, как следствие, рост благосостояния населения. Изменились функции государства, которое отказалось от роли патрона, с одной стороны, жестко предписывающего модели поведения, задающего нормы и осуществляющего санкции за их невыполнение, а с другой - берущего на себя решение основных социально-экономических проблем. Ожидалось, что следствием отказа государства от этих функций станет то, что на место прямого властного хозяйственного и идеологического контроля придут универсальные регуляторы социально-экономической деятельности, в качестве которых все менее значимыми станут навязанные извне нормы, а более значимой - рационализация индивидуальных и общественных потребностей.

Неудача либерального проекта стала очевидной, когда отчетливо проявились результаты приватизации. Несмотря на определенное недоверие к ее целям и методам, население, тем не менее, ожидало от ее проведения неких позитивных результатов. Согласно данным наших исследований¹, более 20% населения ожидали существенного улучшения материального положения и еще около 30% надеялись, что их доходы несколько вырастут. На деле результатом ваучерной приватизации стало лишь формирование слоя крупных собственников, а ожидавшегося появления и оформления среднего класса так и не случилось. В статистически значимых масштабах не сложились новые модели поведения, обусловленные наличием собственности и возможностью ее распоряжения: доход от собственности, включая ценные бумаги, получают, по данным наших исследований, не более 10% населения. Две трети респондентов оценивают результаты приватизации сугубо негативно, связывая их главным образом с "грабежом" государственной собственности.

Акционирование предприятий также имело ряд последствий негативного характера. Механизм приватизации породил еще большее расслоение и поляризацию общества, практически не расширив права и возможности работников. Более того, процесс передела собственности затянулся и до настоящего времени носит кризисный и конфликтный характер, что затрудняет формирование института легитимной частной собственности, порождает нестабильность в экономике и обществе, препятствует притоку инвестиций в российскую экономику. В целом результаты приватизации породили разочарование в проводимых реформах и укрепили в сознании большинства населения мысль о том, что их содержание и методы не соответствуют массовым представлениям о социальной справедливости.

Другим печальным опытом значительной части населения стало вложение средств в недобросовестные финансовые структуры. Крах многочисленных финансовых пирамид и банкротства банковских учреждений привели к тому, что многие повторно (имея в виду девальвацию сбережений вследствие либерализации цен в январе 1992 г.) утратили свои сбережения. При этом государство не приложило усилий к созданию механизмов, гарантирующих добросовестность финансовых учреждений, аккумулирующих сбережения граждан, не выступило гарантом сохранности вкладов. В силу этого государство

¹ ИСЭПН РАН в 1993 г. провел всероссийский опрос по репрезентативной выборке об отношении населения к приватизации.

стало рассматриваться значительной частью граждан как еще один недобросовестный игрок на финансовом поле, азартный и порой склонный к шулерству. Разумеется, это послужило еще одной причиной утраты доверия к власти и ее институтам, осуществляющим подобную социально-экономическую политику.

Неудача либерального проекта поставила вопрос о принципиальной возможности трансформации такой страны, как Россия. Получила распространение точка зрения, в соответствии с которой реформы, направленные на разрушение исторически сложившихся социально-экономических условий и порядков, не могут быть эффективными. Следствием этих настроений стал следующий этап трансформации, длившийся до конца 1990-х гг., для которого характерна непоследовательность и половинчатость проводимых преобразований. В этот период российская трансформация, и так плохо оформленная идеологически, окончательно потеряла артикулируемый вектор развития. В то же время формирование устойчивого взаимодействия различных элементов общественного организма требует ясной постановки цели социально-экономических преобразований и непосредственно связано с представлениями, которые складываются у наиболее влиятельных субъектов социального действия о направлениях трансформации и содержании реформ. Следует признать, что политические и хозяйственные элиты "эпохи Ельцина" не смогли образовать целостного и внутренне согласованного субъекта преобразований. Дифференцированность позиций элитных групп по ключевым вопросам социально-экономических преобразований и конфликтность, сопутствующая их взаимодействию, замедлили темпы общественной трансформации и внесли нестабильность в ее течение. Реакцией на это со стороны населения стало углубление кризиса доверия к основным институтам трансформирующегося общества.

Новый период трансформации, начавшийся в 2000 г., отличается тем, что реализуются попытки устранить раскол элит и институциональные дисфункции посредством построения жесткой "вертикали власти" и "управляемой демократии". Экономический рост, пришедший на смену перманентному спаду 1990-х гг., вкупе с артикулированными властями стремлением к порядку, создает у значительной части населения и экспертов ощущение, что страна, наконец, преодолевает кризисное состояние. Вместе с тем цели и содержание происходящих социально-экономических изменений недостаточно прояснены. Стоящие на повестке дня реформы жилищно-коммунального хозяйства, образования и здравоохранения предполагают как будто либеральный характер преобразований. В то же время реанимация государственных символов традиционного общества, ограничения свободы СМИ, антизападническая внутривластная риторика ставят направленность дальнейшей трансформации под сомнение. Таким образом, и на современном этапе сохраняется неясность в отношении целей, методов и общего вектора развития страны. Все эти обстоятельства самым непосредственным образом влияют на стратегии социально-экономического поведения, формируемые населением, стремящимся приспособиться к интенсивно меняющимся условиям жизни.

Адаптационные ресурсы и возможности: проблема рационального выбора

Основным социальным условием успешного завершения трансформации с реальным выходом страны на траекторию устойчивого развития является выработка достаточно большим числом людей продуктивных моделей социально-экономического поведения, основанных на реализации индивидуальных ресурсов. Способность индивидов, различных социально-экономических слоев и групп к рациональному и эффективному использованию имеющегося набора адаптационных ресурсов с целью встраивания в сложившуюся социально-экономическую ситуацию влияет на ход и качество процесса социально-экономической адаптации населения. Именно социально-экономическая адаптация становится доминирующим макросоциальным процессом, определяющим тенденции общественного развития России.

Задача адаптации, таким образом, связана с мобилизацией всех имеющихся индивидуальных ресурсов. Соотношение имеющихся ресурсов, во-первых, с возможностями их

реализации в сложившейся институциональной среде, а во-вторых, с целями и содержанием жизненных стратегий, исследуется в рамках концепции "рационального выбора".

Выработка и реализация социально-экономической политики не может быть сколько-нибудь успешной без учета сложившегося социального контекста. Представляется, что, рассматривая адаптационное поведение населения с точки зрения теории рационального выбора, невозможно ограничиться формальной интерпретацией экономической рациональности, под которой понимается максимизация любой целевой функции при заданных ограничениях, то есть происходит подбор оптимальных средств без каких-либо требований к содержанию контекста, в котором реализуется намеченная цель.

Характеризующаяся стабильностью институциональная среда не только способствует поощрению моделей поведения, основанных на максимальном использовании имеющегося ресурсного потенциала, но и создает саму возможность для их реализации. Взаимодействие с государственными и общественными институтами в идеале должно содействовать выстраиванию перспективных стратегий социально-экономического поведения, в том числе позволяя обнаруживать "ошибки выбора", то есть ситуации, в которых ресурсы могут быть недо- или переоценены или неадекватны поставленным целям. В странах со сложившимися и развитыми институтами выявление "ошибки выбора" значительно облегчено в силу высокой степени доверия экономических акторов к институтам и однозначности в понимании подаваемых рынком сигналов. Доступность и транспарентность информационных потоков разного содержания, возникших вследствие широкого распространения информационных технологий, делает процесс обнаружения ошибки и соответствующей коррекции социально-экономического поведения более быстрым и эффективным. Напротив, в институциональном контексте, который мы пытались описать, риск "ошибки выбора" существенно возрастает.

Российские реформы, кардинально изменившие весь социально-экономический контекст и поставившие население страны перед необходимостью выбора новых поведенческих стратегий, причем в условиях максимального ограничения ресурсов для такого выбора, предоставляют уникальные возможности исследования этого "естественного эксперимента"². Незавершенность адаптационных процессов в российском обществе делает такую задачу вдвойне актуальной.

Находясь в парадигме "экономически рационального" поведения, необходимо определить пределы рациональности человека. Исследователями признается ограничение рациональности системой индивидуальных мотиваций, уровнем информированности, пониманием "правил игры" и другими факторами. Так, в модель ограниченной рациональности, разработанную Г. Саймоном [Simon, 1979], вводится фактор неполноты информации, на основе которой производится выбор. Сужение информационного поля, происходящее либо вследствие объективной недоступности некоторых информационных каналов (например, отсутствия доступа к Интернету), либо искусственного ограничения информации снижает уровень рациональности применительно к данным условиям внешней среды. Согласно Саймону, человек не ведет бесконечный поиск наилучшего варианта: столкнувшись с проблемой (в нашем случае - необходимостью адаптации), на основе доступной информации и сложившихся в обществе норм и представлений и исходя из собственных притязаний он рассматривает различные способы поведения до тех пор, пока не находит приемлемый вариант. В этом случае роль государственных и общественных институтов состоит в создании условий, обеспечивающих поиск и реализацию наиболее эффективных и социально приемлемых стратегий адаптационного поведения. Иными словами, необходимо стимулировать поиск вариантов с максимальной ожидаемой полезностью в условиях, когда знание о будущем носит вероятностный характер [Нейман, Монгенштерн, 1970; Шумейкер, 1994].

² Я употребляю слово "эксперимент" лишь в качестве научного термина (от *natural experiment*), не имея в виду эмоционально окрашенное выражение "эксперимент над живыми людьми", часто встречающееся в социально-экономических работах отечественных ученых.

Другой фактор, ограничивающий рациональность индивида, состоит в том, что человек в обыденной жизни заблаговременно не всегда высчитывает результаты своего поведения - действие часто определяется привычкой. Развитая рыночная среда предполагает воспроизводство сложившихся моделей социально-экономического поведения, что, безусловно, облегчает проблему рационального выбора применительно к данной внешней среде. Совершенно иная ситуация наблюдалась в постсоветской России, где речь о воспроизводстве эффективных социально-экономических практик можно вести только сейчас, когда на рынок труда выходит "постперестроечное" поколение.

Наличие дисфункций в экономической и правовой инфраструктурах приводит к тому, что экономические акторы могут легко принять за ошибку то, что на самом деле является правильным решением, и наоборот. В этих условиях безоговорочное принятие и копирование положений *mainstream economics* привело к значительному росту числа ошибок в использовании ресурсов и формировании адаптационных стратегий, к увеличению прямых издержек, а также издержек упущенных возможностей.

Даже переходная социальная система представляет собой некую структурную целостность, характеризующуюся динамичностью и разнообразием векторов своего развития. При этом на данную систему возлагаются три фундаментальные функции:

- формирование в обществе определенных социально-экономических ориентации и поведенческих установок, адекватных реализуемой модели развития страны;
- создание относительно плодотворных условий взаимодействия с внешней средой, то есть обеспечение обратной связи между социально-экономическим контекстом и новыми жизненными стратегиями, выстраиваемыми на основе формируемых установок и имеющихся ресурсов;
- обеспечение возможностей для успешной реализации этих стратегий, достижения приемлемых доходных и статусных позиций.

Способность системы осуществлять эти функции на основе взаимоувязки сложившихся установок, требований среды и новых стратегий адаптации может служить критерием оценки социальной политики и существенно влиять на дальнейшее развитие страны. При условии успешной реализации этих функций возможна мобилизация социального, человеческого потенциала, формирование динамично изменяющейся социальной структуры и обеспечение если не эффективного социального управления, то хотя бы сохранения управляемости социальной системы.

Реализация адаптационных стратегий

Представляется важным уточнить понимание адаптационных процессов как взаимосвязи осуществляемых человеком адаптационных усилий (социально-экономических практик) и их результатов в материальном и статусном выражении. Построение индивидуальных адаптационных стратегий происходит на основе понимания индивидом сущности происходящих в обществе изменений, их внутреннего принятия или неприятия, что в значительной степени связано с успешностью социально-экономической адаптации к вновь формирующейся институциональной среде.

Для того чтобы оценить, какие адаптационные стратегии представлялись населению наиболее рациональными, рассмотрим основные ресурсы и стратегии поведения. Обесценивание доходов и сбережений в начале 1990-х гг. поставили граждан перед необходимостью опираться исключительно на собственные знания, умения и способности - нематериальные ресурсы адаптации. К ним можно отнести уровень образования, уровень информированности (способность обращаться к широкому набору культурно-информационных каналов), уровень профессиональной квалификации, а также широту социальных сетей, в которые встроены индивид. Нематериальными адаптационными ресурсами следует, таким образом, считать те, что накоплены человеком в ходе социализации и не могут быть "отчуждены" никакими социальными экспериментами. Наши расчеты показывают, что более половины населения располагают средним уровнем ресурсного потенциала адаптации; ресурсный потенциал четверти населения страны можно оценить

как низкий, а развитыми адаптационными ресурсами обладает меньшинство [Аврамова, Логинов, 2002].

Большая часть общества, рассматривающая общественные перемены с позиций эгалитаризма, восприняла их как создание новой системы несправедливых неравенств. Но в рамках прагматически-утилитаристских концепций, идейно оформляющих рыночные отношения, сформировалось и другое понимание справедливости, основанное на "правильном балансе" индивидуальных ресурсов и извлекаемых с их помощью выгод. В рамках такого понимания справедливым считается, если успеха добиваются те, кто обладают более развитыми ресурсами, накопление которых потребовало сообразных усилий. Таким образом, неравенство адаптационных возможностей, проистекающее из неравенства персональных ресурсов, рассматривается как справедливое при том обстоятельстве, что существует изначальное институциональное равенство накопления ресурсов. В то же время неравенство жизненных шансов при одинаково высоком уровне развития персональных ресурсов следует считать несправедливым.

В этом смысле нужно рассматривать возможности реализации адаптационного потенциала. Если его использование, максимальную реализацию можно рассматривать как шанс или стратегию, позволяющую выстроить относительно успешную модель социально-экономического поведения, то надо признать, что в сформировавшихся на сегодняшний день социально-экономических условиях эти ресурсы часто оказываются нереализованными и невостребованными. Это свидетельствует о наличии факторов, блокирующих процесс социально-экономической адаптации в России. В результате происходят деформации социальной структуры российского общества, препятствующие становлению российского среднего класса. Наши исследования показали, что основными адаптационными трудовыми стратегиями были: предпринимательство (самозанятость); эффективная единичная занятость³; множественная занятость; занятость в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ).

Общие результаты адаптации россиян представлены в таблице 1, где приведены распределения по уровню адаптированности⁴ с интервалом в десять лет⁵. С одной стороны, нельзя отрицать наличие позитивной динамики: выросла численность тех, кто нашел

³ Достижение достаточно высокого дохода на единственном рабочем месте рассматривается мною как стратегия адаптации, поскольку конкуренция на рынке труда в динамично развивающихся отраслях, прежде всего таких, как ТЭК, связь, строительство, а также государственное управление, потребовала усилий либо для сохранения рабочего места, либо для вхождения в названные отрасли (данные наших исследований свидетельствуют о том, что половина респондентов из соответствующей группы поменяла место работы, с тем чтобы оказаться в динамично развивающемся секторе экономики, а четверть - поменяла профессию).

⁴ Итоговая оценка результатов адаптации (материальное и статусное выражение) производилась следующим образом. Высокий уровень адаптации, если одна из детерминант успешности адаптации (материальная или статусная) оценивается как "высокая", при том, что другая оценивается как "высокая" или "средняя". Средний уровень адаптации: обе детерминанты успешности адаптации имеют средние значения. Низкий уровень адаптации: одна из указанных детерминант успешности адаптации оценивается как "низкая", при том что другая превышает это значение. Дезадаптация: обе детерминанты успешности адаптации определяются как "низкие".

Материальная составляющая успешности социально-экономической адаптации оценивается как "высокая", если респондент определяет собственную материальную обеспеченность характеристиками "не отказываю себе ни в чем" или "с избытком хватает на текущие нужды, но нет возможности совершать крупные покупки (недвижимость, автомобиль)"; к среднеобеспеченным относятся те, кто "вынужден экономить на некоторых вещах и продуктах"; материальная составляющая адаптации оценивается как низкая в случае, если респондент "с трудом сводит концы с концами" или для него "наступили нужда и голод".

Статусная составляющая успешности социально-экономической адаптации отражает оценку респондентом своего общественного положения. Высокий уровень соответствует оценкам "высокое" и "выше среднего"; низкий уровень - оценкам "низкое" или "ниже среднего".

⁵ Приведены данные мониторингового исследования "Социально-экономическая адаптация населения". В обоих случаях опрошено по 1200 респондентов в мегаполисе (Санкт-Петербург), областном городе (1994 г., - Нижний Новгород, 2004 г. - Вологда); малом городе (1994 г. - Дмитров, 2004 г. - Дзержинск).

Таблица 1 Распределение респондентов по уровням адаптации (в %)

Уровни адаптации	1994 г.	2004 г.
Высокий	4,7	10,3
Средний	25,6	35,3
Низкий	30,7	31,4
Деадаптация	39,0	23,0

Таблица 2 Распределение респондентов по используемым стратегиям адаптации и материальному положению (в %)

Стратегии адаптации	Уровень материальной обеспеченности		
	низкий	средний	высокий
Эффективная единичная занятость	16,1	75,1	8,8
Самозанятость	33,0	56,0	11,0
Вторичная занятость	37,7	59,6	2,7
Ориентация на ЛПХ	53,0	44,0	3,0

свое место в новых условиях, значительно сократилось число дезадаптантов. В то же время до настоящего времени после двух десятилетий преобразований больше половины населения не смогли встроиться в новую реальность, находятся в тяжелом материальном положении, испытывают неудовлетворенность своим статусом в обществе.

Возвращаясь к оценке реализуемости и эффективности адаптационных стратегий, замечу, что, как показали наши исследования, различные адаптационные стратегии приводят к различным результатам. Успешная адаптация не является автоматическим следствием ни объема ресурсного потенциала, ни адаптационных усилий, но сами эти усилия существенно повышают жизненные шансы по сравнению с возможностями тех, кто оказывается не в состоянии активизировать индивидуальные ресурсы. Используемые стратегии, как правило, выводят тех, кто их реализует, на средний либо высокий уровни адаптации. Наиболее перспективны в этом смысле эффективная единичная занятость и предпринимательство (самозанятость). Вторичная занятость в гораздо меньшей степени повышает жизненные шансы. Это, хотя и массовая, но скорее вынужденная и временная стратегия, максимальная эффективность которой обеспечивает средний уровень адаптации.

Адаптация, как отмечалось выше, имеет экономическое и социальное измерение. Из таблицы 2 следует, какие материальные дивиденды извлекаются из реализации тех или иных адаптационных стратегий.

Из приведенных данных следует несколько выводов:

- адаптационные усилия далеко не всегда приводят к существенному материальному вознаграждению. Это следует хотя бы из того, что треть самозанятых и занятых на нескольких работах не смогли добиться даже среднего уровня материального благополучия;

- основные массовые адаптационные стратегии, за исключением ЛПХ, в целом позволяют выйти на средний уровень материальной обеспеченности. При этом эффективная единичная занятость - наиболее прямой путь к относительно приемлемому уровню материального благосостояния. Самозанятость, как и множественная занятость, обеспечивает средний уровень материального благосостояния для чуть более половины представителей соответствующих групп;

- доля респондентов, добившихся относительно высокого дохода, даже среди реализующих наиболее перспективные стратегии, составляет не более 10%. Ориентация на вторичную занятость и ЛПХ обеспечивает такой доход лишь 3% опрошенных.

Что касается социального позиционирования респондентов, реализующих определенные стратегии адаптации, то среди них достаточно велика доля людей, не добившихся даже среднего уровня общественного положения. В особенности это касается самозанятых и множественно занятых - среди них четверть ощущает явный социальный дискомфорт, что проявляется в их отнесении себя к низким статусным группам.

Таким образом, можно говорить о кризисном характере хода социально-экономической адаптации, который имеет две причины. Первая заключается в несоответствии качества реформ, их глубины, скорости, наконец, содержания, адаптационным возможностям (ресурсам) населения. Вторая состоит в качестве самой институциональной среды, с одной стороны, слабо востребующей развитый ресурсный потенциал населения, а с другой - не предлагающей действенных компенсаторных механизмов.

Воспроизводство механизмов адаптации

Между внешней средой (макроуровень) и сферой социально-экономического поведения (микроуровень) устанавливается динамическое взаимодействие, когда внешняя среда различными способами (посредством и формальных правил, и неформальных сигналов) доводит свои требования до населения, а население, считывая эти сигналы, демонстрирует внешней среде готовность или неготовность им следовать. В результате рефлексии опыта адаптации и воспроизводства успешных адаптационных стратегий формируются устойчивые модели поведения, свидетельствующие, по существу, об окончании переходного периода. В этом смысле особый интерес представляет исследование воспроизводства адаптационных стратегий. Двадцатилетний период российской трансформации дает возможность проанализировать, какие механизмы адаптации оказались наиболее успешными. За обозначенный период выросло поколение, выстраивающее свое социально-экономическое поведение, опираясь на опыт родителей. От того, какие стратегии воспроизводятся, во многом зависит, что стало для общества нормой и, соответственно, какие варианты развития социума в принципе возможны.

Понимая социально-экономическую адаптацию как результат соотнесения собственных возможностей с требованиями внешней среды, оценим, какие ресурсы более всего способствовали выстраиванию успешных поведенческих стратегий. Наши данные дают представление об иерархии ресурсов, способствовавших успешной адаптации⁶.

На первом месте (50% среди добившихся высокого и среднего уровня адаптации⁷) идет занятость в сфере, которая оказалась эффективной (юриспруденция, финансы, ТЭК и др.). Здесь от людей потребовались усилия, направленные на поддержание своей компетентности, но не сверхусилия для овладения новой перспективной специальностью. Замечу, что среди хорошо и среднеадаптированных респондентов 35% работают не по специальности. На втором месте - энергия и предприимчивость, им обязаны своим успехом 48% респондентов. На третье место выдвинулись связи и знакомства - в качестве важнейшего ресурса их признают 47% людей, добившихся относительного успеха. Следующую позицию занимает наличие высшего образования⁸ (соответственно, 45%). И лишь на последнем месте (41%) - высокий уровень квалификации и профессионализма. Представленные данные прежде всего демонстрируют гипертрофированную роль

⁶ С тем, чтобы оценить эффективность адаптационных усилий за двадцатилетний период реформ, в качестве респондентов в данном случае выбраны люди, находящиеся в возрастном интервале от 45 до 55 лет.

⁷ Поскольку респонденты могли дать несколько вариантов ответов на вопрос: "Что прежде всего помогло адаптироваться?", сумма ответов не равна 100%.

⁸ О влиянии образовательного ресурса на успех социально-экономической адаптации см. подробнее: [Авраамова, Логинов, 2002].

Таблица 3

Престижность получаемой детьми профессии в зависимости от уровня адаптированности родителей (в %)

Уровень адаптации родителей	Варианты ответов на вопрос: "Что дает специальность, которую вы получаете?"			
	доход и социальный статус	только социальный статус	только доход	ни доход, ни социальный статус
Высокий	58,4	14,0	15,6	12,0
Средний	46,8	19,0	19,5	14,8
Низкий	32,1	26,2	14,2	27,6

социальных связей и, наоборот, ущербную роль деловых качеств, что свидетельствует, во-первых, о качестве внешней среды, если и востребующей профессионализм, то только в сочетании с лояльностью, а во-вторых, об особом типе адаптивности, выражающемся в готовности принять предложенные правила игры.

Теперь проверим, как опыт адаптации родителей передается детям и ими усваивается⁹. Начнем с формирования образовательных стратегий. По нашим данным, доля успешно адаптировавшихся родителей вдвое больше среди тех, кто получил высшее образование. Самостоятельная ценность вузовского диплома на рынке труда (даже не подкрепленная качеством образования) породила начавшийся с середины 1990-х гг. бум высшего образования - стремительный рост численности высших учебных заведений и численности студентов. Неудивительно поэтому, что высшее образование сегодня получают 87% студентов, родители которых имеют вузовский диплом, и 53% тех, чьи родители остановились на предыдущей ступени.

Теперь рассмотрим, как воспроизводится адаптационная стратегия овладения профессией, востребованной на современном рынке труда и способной приносить достойное материальное и статусное вознаграждение (напомним, что это был главный козырь относительно успешно адаптированных родителей). В таблице 3 приведено распределение ответов на вопрос, заданный студентам, о том, что дает получаемая ими профессия. Из ее данных следует, что чем выше уровень адаптированности родителей, тем вероятнее, что их дети-студенты получают специальность, не только востребованную на рынке труда, но и "конвертируемую" в высокий уровень дохода и статуса. Если взять всех родителей, которые достигли успехов в адаптации благодаря тому, что имели "подходящую" профессию, то доля их детей, овладевающих в той же степени "удачной" профессией, достигает 65%. В то же время получение специальности, по оценке студентов, не способной принести ни приличных заработков, ни положения в обществе - преимущественно удел детей из слабоадаптированных семей. Здесь нужно обратить внимание на то, что низкая адаптированность не носит застойного характера. Даже дети слабоадаптированных родителей обрели благодаря образовательному буму шанс получить не только "какое-нибудь" высшее образование, но овладеть перспективной профессией. Таких, правда, вдвое меньше, чем в успешных семьях. Тем не менее, как следует из приведенных данных, каналы вертикальной мобильности не закрыты.

В целом около половины сегодняшних студентов отдают себе отчет в том, что профессия, которую они получают, малоперспективна на рынке труда. Они предполагают, что им придется столкнуться с серьезным статусно-доходным расхождением (когда либо общественно значимый труд не имеет достаточного материального вознаграждения, либо относительно высокий доход не влечет за собой статусного продвижения). В этом смысле неудивительно, что значительная доля студентов старших курсов не предпола-

⁹ Базой данных послужил опрос 1000 студентов - старшекурсников, различных по специализации и престижности вузов Москвы, Вологды и Таганрога. Опрос проводился в 2003 г.

гают по окончании вуза работать по полученной специальности. Так, уверенно планируют работать по своей и смежной специальности менее половины (43,3%) будущих выпускников, а остальные намерены действовать по обстоятельствам. Так же действовали и их родители, и этот опыт отрефлексирован: в семьях, где родители не работают по полученной специальности, вдвое больше детей (чем в семьях, где родители остались верны полученной профессии) собираются действовать также. Более того, ориентация на перепрофилирование после окончания вуза распространяется и на тех выпускников, родители которых работают по специальности и при этом относятся к плохо адаптированным группам. Невостребованность ряда профессий либо низкая оплата труда во многих общественно значимых секторах экономики (промышленное производство, образование, здравоохранение, наука и пр.) обозначились с началом реформ, и эта проблема не снята до сих пор, что порождает трудности адаптации молодых специалистов на современном рынке труда и порождает необходимость массового перепрофилирования выпускников вузов.

Энергия и предприимчивость рассматриваются в родительском поколении как важный фактор успеха. И поколение детей ставит эти качества на первое место среди всех качеств, необходимых для того, чтобы добиться успеха "здесь и сейчас". В целом опрошенные студенты охарактеризовали себя прежде всего как людей работоспособных и ответственных (эти качества отметили около 42% респондентов). На втором месте со значительным отставанием (23%) следует такое качество, как умение работать в коллективе. Таким образом, набор качеств, наиболее важных для успеха, представляется поколению детей весьма отличающимся от их собственного портрета. Обнаруживается определенный диссонанс личностного потенциала и требований внешней среды, как она предстает перед поколением, которое скоро должно активно войти на рынок труда.

Теперь рассмотрим такой значимый, как было показано, ресурс, как социальные связи. Протестировав его эффективность в практике поступления в вуз, я установила, что лишь 34% студентов поступили исключительно благодаря знаниям, 52% в дополнение к знаниям использовали либо связи родителей, либо неформальные платежи и 13% ограничились только связями. В семьях, где родители сумели хорошо адаптироваться, используя связи, и дети в большей степени склонны опираться на этот ресурс: 38% детей из таких семей использовали только связи родителей и 56% готовились к экзаменам, но и связи тоже задействовали. То же проявилось и в практике трудоустройства: в среднем 57% выпускников рассчитывают на помощь родственников, друзей и знакомых, но в семьях, где родители адаптировались благодаря связям, таких около 70%. Эти данные свидетельствуют о том, что социальные связи по-прежнему являются одним из самых актуальных механизмов адаптации.

Студенты попытались оценить свои конкурентные преимущества. Из списка, где можно выбрать несколько позиций, на которые они прежде всего рассчитывают при приеме на работу, давались примерно те же ответы, что и их родителями. На последнем месте оказались личные рабочие качества. На первое место выдвинулась профессия, которая рассматривается респондентами как перспективная на современном рынке труда. На втором месте оказался сам факт наличия диплома о высшем образовании, что трактуется в качестве достаточного основания для если не эффективного, то приемлемого трудоустройства. На третье место помещен социальный капитал (помощь друзей и родственников).

Можно, таким образом, говорить о том, что сформировались некоторые достаточно устойчивые модели поведения: высокая мобильность на рынке труда, ориентация на перепрофилирование и переучивание, высокая степень использования социальных связей, обращение к неформальным способам решения проблем. В новый период развития экономики и общества, берущий начало в 2000 г. и ориентированный, согласно официальной риторике, на установление порядка, создание условий добросовестной конкуренции, обозначенные тенденции только укрепилась. Согласно данным опроса, большинство респондентов (45% среди родителей и практически столько же - 42% - среди детей-студентов) считают, что между "эпохой Ельцина" и "эпохой Путина" нет никакой разни-

цы. Видимо, тем самым в массовом сознании фиксируется преэминентность "правил игры", востребованность тех же механизмов адаптации, которые сформировались в начале 1990-х гг. Наиболее адаптированная часть общества смогла сформировать достаточно рациональные стратегии поведения, обнаружив способность и готовность согласовать свои возможности, реализовать имеющиеся ресурсы в соответствии с реальными (а не декларируемыми) требованиями внешней среды.

Заметное, начиная с 2000 г., снижение градуса социальной напряженности свидетельствует не только об успехах адаптации тех групп населения, которые в 1990-е гг. находились в тяжелых социально-экономических условиях, но и о достигнутом балансе между интересами элит и внеэлитных, но хорошо адаптированных групп населения, составляющих основу российского среднего класса. Представители соответствующих групп населения вполне готовы действовать в сфере неформальных экономических отношений, деформирующих конкурентную среду. Более того, новое поколение успешно усваивает алгоритмы эффективного для сложившейся институциональной среды поведения. Факт воспроизводства адаптационных стратегий свидетельствует о том, что общество постепенно обретает устойчивость. Таким образом, адаптация, по существу, закончилась, и ее новый цикл может возникнуть лишь тогда, когда внешняя среда начнет качественно меняться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аврамова Е. М., Логинов Д. М. Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // Общественные науки и современность. 2002. N 5.

Нейман Дж. фон, Монгенштерн О. Теория и экономическое поведение. М., 1970.

Шумейкер П. Модель ожидаемой полезности: разновидности, подходы, результаты и пределы возможностей // TESIS. 1994. Вып. 5.

Simon H. Behavioral Model of Rational Choice. Edinburg, 1979.